

Записки Александра Андреевича Половцова ¹⁾.

Въ ту же ночь съ 12 стрѣлками я былъ за 25 версть и съ восходомъ солнца ужаснулся картинѣ пожараща цѣлой деревни, объѣхавъ верхомъ вдоль и поперекъ. Среди выжженаго селенія стояла нетронутая церковь, и предъ нею весь причтъ съ женами и дѣтьми встрѣтилъ меня на колѣняхъ. Осмотрѣвъ и переговоривъ все, что было нужно, я отправился съ переводчикомъ, отставнымъ гусарскимъ поручикомъ Брашеваномъ, и своими стрѣлками за 5 версть къ помѣщику. Войдя со двора на крытое крыльцо, мы попросили вызвать хозяина для объясненій. Онъ вышелъ смущенный въ шлафрокѣ, но, узнавъ въ чемъ дѣло, объяснилъ, что онъ въ правѣ переселять своихъ поселенцевъ, ему земля нужна, и онъ не видитъ надобности, какъ членъ Дивана, отдавать отчетъ русскимъ. Я отвѣчалъ, что присланъ дѣло изслѣдовать и совѣтую ему ѣхать въ Фальчи и объясниться съ комендантомъ — онъ согласился. Въ его коляскѣ мы выѣхали вмѣстѣ съ солдатомъ на козлахъ, при чемъ онъ просилъ остановиться для переговоровъ у меня. Приглашенный мною шт.-кап. Малиновскій потребовалъ подписки, что впредь до рѣшенія дѣла главнокомандующимъ Г. Варнакъ-Костаки приостановить всѣ свои дѣйствія по переселенію. Молдавскій бояръ долго не соглашался, но къ вечеру выдалъ и уѣхалъ.

Это было въ маѣ, а въ концѣ іюля, кончивъ мосты на плотяхъ, я отправился съ ротою въ С. Водулуй-Исаки на Дунаѣ, гдѣ оставивъ понтоны, пошелъ черезъ Дунай къ крѣпости Шумлѣ, сдѣлавъ 300 версть одинъ собственными средствами. Жара доходила до 40° градусовъ, колодцы были отравлены, се-

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1913 г.

ленія выжжены, мы стрѣляли курь на деревьяхъ, отыскивали хлѣбъ въ ямахъ; кипятили воду въ котлахъ и, снявъ слой мыла и грязи, варили кашу. Захвативъ кое-какія лѣкарства, я имѣлъ свой лазаретъ, самъ лѣчилъ, и такимъ образомъ довелъ до Шумлы роту въ 180 человекъ, тогда какъ тамъ оставалось ихъ до 70-ти въ каждой ротѣ. Последнія станціи отъ Базарджика съ нами тянулся цѣлый обозъ на волахъ, въ которыхъ ѣхали: офицеры къ своимъ полкамъ, курьеры и фельдегера изъ СПБ., не могшіе тронуться съ мѣста безъ конвоя, — какимъ явилась моя рота.

Въ самомъ лагерѣ войскъ, облагавшихъ крѣпость Шумлу, мы встрѣтили другой обозъ—съ ранеными. Увидѣвъ впервые изуродованное человѣчество наваленнымъ и насаженнымъ кое-какъ въ большихъ телѣгахъ, оставляющихъ по пыльной дорогѣ кровавый слѣдъ, я былъ крайне удивленъ такой безпомощности и положенію отчаянному, какія ожидаютъ каждую минуту каждаго военнаго.

Нашъ батальонъ состоялъ при отрядѣ подъ командою принца Евгенія Вюртембергскаго, съ которымъ не рѣдко отражали вылазки и всегда удачно. Онъ поручилъ мнѣ постройку батареи на 8 орудій съ ротою и батальономъ армейцевъ. Едва я приступилъ къ разбивкѣ, какъ засвистали турецкія ядра и картечи; однако къ вечеру все было готово, и принцъ, пріѣхавшій съ Дибичемъ, особенно благодарилъ.

На построеніе батареи мнѣ былъ данъ кромѣ своей роты батальонъ пѣхоты. При окончаніи работы фельдфебель Карулинъ донесъ, что на насъ будетъ сильная вылазка.

— Какъ ты узналъ?

— Казакъ изъ цѣпи пріѣзжалъ, сказалъ.

Солнце садилось, я сговорился съ майоромъ и всѣ 5 роты мы отвели за полверсты на гору, противъ нашего редута № 10. Едва стемнѣло, какъ изъ Шумлы выѣхало до 10/т. человекъ кавалеріи прямо на сдѣланное нами укрѣпленіе и все срыли, а пѣхота атаковала № 10, но была отбита, потерявъ болѣе 1/т. человекъ. Здѣсь явленіе милости Божіей таково, что я безъ всякаго приказанія распорядился лично и тѣмъ спасъ отъ неминуемой гибели до 600-тъ человекъ мнѣ ввѣренныхъ.

Въ концѣ августа нашъ отрядъ снялся и пошелъ по дорогѣ къ кр. Варнѣ наперерѣвъ Омеру Вріоне, уничтожившему гвардейскій Егерскій полкъ. Пашу мы не захватили, онъ успѣлъ уйти, а егерей, покрывавшихъ дорогу въ разныхъ видахъ, пришлось зарывать. Виною ихъ истребленія былъ флигель-адью-

тантъ полякъ Задусскій. Жаль превосходнаго человѣка—командира полка—Гартинга.

Подъ кр. Варною мы примкнули къ отряду генерала Ридигера и на 2-й день сдачи вступили въ крѣпость, никогда не бывшую въ русскихъ рукахъ.

Въ сентябрѣ вся армія заняла зимнія квартиры, и моя рота въ отрядѣ ген. Ридигера должна была укрѣпить Базарджикъ, что и было исполнено весьма удачно. На бѣду зима вышла ранняя и лютая, морозы и вьюги были здѣсь небывалые, и я такъ простудился, что получилъ воспаленіе мозга.

Меня лѣчили три доктора; въ теченіе недѣли 7-мь разъ пускали кровь и ставили пиявки; на 8-ой молодой врачъ изъ Дерита, посидѣвъ у меня, вышелъ и приказалъ сходить за священникомъ. Узнавъ объ этомъ, я призвалъ своего добраго слугу Семена и сказалъ, что въ 4 часа утра умру, распорядился всѣмъ, что было нужно. 40-къ минутъ 4-го я уснулъ и ровно въ 4-е проснулся, а въ 6 часовъ вошелъ врачъ съ фельдшеромъ и всѣми аппаратами для вскрытія. Встрѣтивъ мой открытый взглядъ, докторъ былъ такъ изумленъ и обрадованъ, что, ахнувъ, бросился меня обнимать, какъ воскресшаго. По правиламъ и рѣшенію консультаціи я долженъ былъ несомнѣнно умереть. Вотъ одно изъ очевидныхъ доказательствъ милости Божіей и словъ Спасителя: „невозможное человѣку возможно Богу“.

Въ концѣ 27-го и началѣ 28-го года сильно свирѣпствовала въ Варнѣ и ея окрестностяхъ чума, унесшая въ могилу моихъ добрыхъ товарищей, а я скоро оправился и былъ внезапно переведенъ въ С.-Петербургъ командиромъ 1-й роты учебнаго сапернаго батальона.

Въ моемъ окончательномъ выздоровленіи много помогъ Ф. Ф. Ридигеръ, приславшій мнѣ докторовъ, вина изъ Одессы и кушанье. За то и разлука съ такимъ начальникомъ была не легка, хотя и ѣхалъ домой.

До Измаила я доѣхалъ на почтовыхъ и остановился у стараго знакомаго Голенищева-Кутузова, тамошняго исправника. Узнавъ, что ѣду въ СПБ. на перекладной, онъ не отпустилъ меня иначе, какъ въ новомъ тарантасѣ со всѣми удобствами, и даже добавивъ мой кошелекъ 200 р.

Проѣзжая Бендеры, я вдругъ узнаю, что состою подъ военнымъ судомъ. Приносятъ приказъ Дибича, гдѣ напечатано: „шт.-кап. Малиновскій предается суду за вымогательство отъ Молдавскаго Варнака-Костаки 400-а левовъ (60 р.) вмѣстѣ съ прикосновенными къ сему дѣлу 7-го піонернаго бат. поручникомъ

Половцовымъ и отставнымъ гусарскимъ поручикомъ Брашеваномъ“.

Взявъ приказъ, я переѣхалъ р. Днѣстръ и продолжалъ свой путь въ столицу.

Въ г. Великихъ-Лукахъ, остановась у дяди Егора Петровича, я заболѣлъ сильно лихорадкою съ бредомъ и, пролежавъ болѣе мѣсяца, имѣлъ случай убѣдиться, какую важную роль, въ жизни, играетъ „родство“. Послѣ 7-и лѣтнихъ скитаній, нужды и опасностей, я былъ дорогимъ гостемъ дома. Д-ръ Цибальскій скоро помогъ мнѣ продолжать мой путь до СПБ.

Наконецъ я былъ въ СПБ. среди любимой семьи: родители, братья и сестры были вокругъ меня!

Всѣмъ вмѣстѣ и каждому изъ насъ было трудно узнать о моей подсудности, но какъ все на свѣтѣ приходитъ и проходитъ, такъ и здѣсь. На третій день старшій братъ Викторъ свезъ меня на Выборгскую Сторону въ арестантскую военно-сухопутнаго госпиталя, такъ какъ въ семейномъ совѣтѣ было рѣшено, что за Балканы обратно ѣхать невозможно и слѣдовало рапортоваться больнымъ. Какъ я выжилъ 6 мѣс. 4 дня въ комнатѣ съ рѣшеткою въ окнѣ и часовымъ у входа,—пересказать не берусь. Правда, что мой добрѣйшій отецъ навѣщалъ мою тюрьму ежедневно, пѣшкомъ во всякую погоду, и тѣмъ дѣйствительно поддерживалъ меня на распутьѣ.

Черезъ полгода послѣдовалъ отвѣтъ Дибича къ Вел. Кн. Михаилу Павловичу, что я могу быть допущенъ на службу, а вскорѣ послѣ того прислано командиру учебнаго сапернаго батальона, полковнику Люце, рѣшеніе: „Военный судъ, не имѣя никакихъ доказательствъ виновности подсудимыхъ, опредѣляетъ: „освободивъ ихъ отъ суда, предать дѣло волѣ Божіей, а г. г. подсудимыхъ въ штрафъ не считать“.

Такъ послѣ 6-ти мѣсячнаго ареста я былъ освобожденъ, оправданъ, получилъ все содержаніе и вступилъ на службу.

Въ то же время, успѣвъ черезъ тетку Софью Н. познакомиться въ домѣ Татищевыхъ, я былъ помолвленъ въ мартѣ и повѣнчанъ въ маѣ 1830-го года съ одною изъ 2-хъ сестеръ Аграфеною Ѳедоровною, имѣвшею брата Спиридона Ѳедоровича и сестру Варвару Ѳедоровну—всѣ трое круглые сироты.

Наступилъ 1831 годъ; была холера; было польское возстаніе Въ СПБ. было нѣчто въ родѣ бунта черни. Вся Сѣнная площадь была плотно покрыта народомъ и окружена войскомъ, въ числѣ котораго и моя рота, имѣя во главѣ князя Пл. Вас. Васильева, встрѣтившагося на дорогѣ, загородила Садовую улицу. Народъ

чуть не снялъ съ лошади генераль-губернатора Эссена, однако подъ прикрытіемъ войска полиція распорядилась арестами, и площадь очищена. На ночь войска расположились на бивуакъ.

Государь былъ въ Царскомъ Селѣ, но на другой день пріѣхалъ оттуда прямо на площадь, гдѣ снова толпился народъ. Коляска на взмылившейся четверкѣ остановилась противъ св. Спаса. Народъ бросился къ Царю съ воплями: „Батюшка, насъ травятъ“ и пр. Николай I, не выходя изъ экипажа, всталъ во весь свой ростъ, и едва успѣлъ произнести: „на колѣни!“, какъ вся площадь осѣла и шапокъ не стало, мигомъ водворилась тишина, Государь продолжалъ:

— „Что вы это? дурачиться? Кто вамъ говоритъ, что холеры нѣтъ, тотъ лжетъ. Холера есть и послана Богомъ. Не шумѣть, а молиться надо. Да. Будемъ молиться (онъ указалъ на церковь), и Богъ помилуетъ“. Кончивъ эту рѣчь, Государь опустился въ коляску и объѣхалъ шагомъ площадь. Народъ, вчера яростно кипѣвшій, преклонялся молча и тѣснясь вокругъ коляски.

Въ томъ же 31-омъ году одинъ изъ кантонистовъ, составившихъ мою роту въ уч. саперномъ батальонѣ, подалъ полковнику доносъ о недостаткѣ денегъ въ артельномъ ящикѣ. По внезапной ревизіи тамъ оказались лишнія, но мы съ Люце почитались, и я подалъ въ отставку.

Переведенный по приказу къ статскимъ дѣламъ съ чиномъ коллежскаго ассесора, я явился къ Дм. Ник. Блудову, назначенному министромъ внутреннихъ дѣлъ, и былъ зачисленъ по министерству.

Первое порученіе по м-ву было: ѣхать съ Конст. Ив. Арсеньевымъ, членомъ совѣта м-ра, по 15-ти губерніямъ, при чемъ К. И. долженъ былъ приготовить людей къ путешествію наследника Цесаревича, Александра Николаевича, а мнѣ въ то же время слѣдовало осмотрѣть заведенія министерства: указы общественнаго призрѣнія, тюрьмы, больницы, богадѣльни, домъ умалишенныхъ и пр.

Наша поѣздка длилась три мѣсяца и была крайне интересна во всѣхъ отношеніяхъ. Конст. Ив. былъ рѣдкій человекъ по сердцу и уму. Насъ всюду принимали радушно.

По возвращеніи кромѣ благодарности превосходнѣйшаго изъ министровъ Д. Н. Блудова мнѣ дали перстень съ вензелемъ и произвели въ надворные совѣтники за отличіе.

Состоя на службѣ безъ особаго содержанія, я постоянно лѣ-

томъ жилъ на дачѣ или въ деревнѣ, не оставляя работу по своимъ дѣламъ. Такъ купивъ домъ на Екатерининскомъ каналѣ не конченнымъ, я успѣлъ въ одинъ годъ кончить и наполнить жильцами, доведя доходъ до 16 т. р. асс.

Не могу не вспомнить съ особенною благодарностью къ Господу, что когда въ первые дни супружества мы гуляли съ женой по набережной Фонтанки, то рассчитывали все, что мы можемъ получить и прожить: выходило 5 т. р. асс. въ годъ. Съ этимъ надо было начать работать, и Богъ удивительно помогъ.

Черезъ четыре года купленный домъ былъ проданъ Пономареву за 200 т. р. асс.

Мы переѣхали въ квартиру у Обухова моста и жили, не зная, что предпринять. Въ одинъ день, вставъ рано и взявъ нѣсколько банковыхъ билетовъ, я пошелъ ходить на набережной Фонтанки. Перейдя три моста, я вдругъ повернулъ въ Итальянскую улицу и остановился на Михайловской площади, кругомъ застроенной, передъ двумя деревянными домами противъ Михайловскаго дворца. Помню живо, какъ меня невольно повернуло въ ворота одного изъ нихъ, встрѣтился дворникъ.

— Не продается ли этотъ домъ?

— Продается, спросите управляющаго.

Узнавъ, что владѣлецъ проситъ 130 т. рублей и живетъ на Большой Морской, я отправился пѣшкомъ туда,—былъ часъ 10-й утра. Отставной генералъ Дюклу встрѣтилъ меня въ шлафрокъ и не хотѣлъ уступить ни одного рубля. Мы проговорили долго и я, взявъ съ собою планы, обѣщалъ подумать. Въ эту минуту входитъ высокій брюнетъ и, обратясь къ генералу по-французски, даетъ 130 т. рублей за домъ. Дѣлать нечего, думать некогда, и я предлагаю то же. Вошедшій былъ биржевой маклеръ, Риттеръ, и сталъ настойчиво утверждать, что онъ уже купилъ; съ нимъ согласился и владѣлецъ.

— Въ такомъ случаѣ я даю 1000 рублей болѣе.

Дюклу улыбнулся, а Риттеръ отвѣчалъ.

— Нѣтъ, мы здѣсь не на аукціонѣ, а если хотите, то бросимъ жребій.

Владѣлецъ, хотя и неохотно, но долженъ былъ покориться и, приготовивъ билеты, подалъ ихъ намъ въ моей шляпѣ. Мы стояли по сторонамъ дверей, оба вынули и вмѣстѣ развернули. Риттеръ меня поздравилъ, съ хозяиномъ простился и, выскочивъ въ двери, въ тотъ же день купилъ за 120 т. рублей другой деревянный домъ, который вскорѣ и продалъ за 200 т. рублей для Дворянскаго Собранія.

Давъ 7 т. рублей задатку, я вскорѣ совершилъ купчую и немедленно открылъ улицу, воспользовавшись матеріаломъ.

Такъ съ 200 т. рублей ассигнаціями, заплативъ за мѣсто 130 т. рублей, я принялся за постройку въ 200 т. рублей серебромъ!

Для окончанія вчернѣ я занялъ 80 т. рублей по 9⁰о. Чтобъ окончить въ чистотѣ, мнѣ пришлось заложить домъ въ 200 т. рублей асс., при чемъ все поиски и публикаціи оказались ничтожны.

Пріѣхала барыня изъ Москвы и, войдя въ пустую квартиру для найма, нашла на окнѣ публикацію о залогѣ дома, тотчасъ пріѣхала ко мнѣ, и въ 2 дня деньги были готовы.

Впослѣдствіи я взялъ у той же г-жи Спайнъ еще 50 т. рублей и, кончивъ домъ, заложилъ его въ Банкѣ за 300 т. руб. асс. и былъ квитъ съ долгами.

Владѣвъ этимъ домомъ 12-ть лѣтъ, мы получили средства дать образованіе дѣтямъ и прожить безъ нужды, получая дохода до 20.000 руб. сер. и уплачивая въ банкъ только 7 т. руб. Но какъ домъ безъ ремонта быть не можетъ, а у насъ остатковъ не было, то наконецъ и были вынуждены продать Клею за 200 т. руб. сер.

Въ это же время выстроена дача въ Царскомъ Селѣ, служившая намъ лѣтнимъ пребываніемъ.

Несмотря на эти постройки и занятія собственными дѣлами, я продолжалъ служить по министерству внутреннихъ дѣлъ членомъ Общаго присутствія департамента казенныхъ врачебныхъ заготовленій, отъ котораго и былъ командированъ въ Хотинъ для перевозки оставшихся тамъ отъ войны медикаментовъ въ Кіевъ. Подрядчики просили за это 40 т. рублей, а я сдалъ за 20 т. рублей, и все было исполнено въ точности, за что мнѣ дали чинъ коллежскаго совѣтника.

По званію члена департамента я завѣдывалъ устройствомъ Аптекарскаго острова, гдѣ былъ большой инструментальный заводъ, требовавшій много труда. При мнѣ выстроены главный магазинъ и проектирована церковь строительнымъ комитетомъ, гдѣ я былъ членомъ по искусств. части.

Въ 1838-омъ году Д. Н. Блудовъ, хорошо меня знавшій, былъ сдѣланъ министромъ юстиціи, на мѣсто Д. В. Дашкова, и пригласилъ меня перейти къ нему. Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ управлялъ гр. Александръ Григорьевичъ Строгановъ, не желавшій меня отпустить. Однако послѣ мно-

гихъ разговоровъ я предпочелъ начальство Д. Н., былъ перечисленъ и затѣмъ назначенъ за оберъ-прокурорскій столъ въ 1-ый Департаментъ при оберъ-прокурорѣ А. Ф. В—ѣ. По личному порученію министра получивъ въ завѣдываніе хозяйственную часть, я нашелъ въ ней хаосъ невѣроятный. Въ одной сенатской типографіи В. получалъ отъ смотрителя отъ 300-тъ до 400-тъ руб. въ мѣсяць за своихъ крѣпостныхъ людей; всѣ подряды были на откупъ и пр.

Пришлось водворять порядокъ съ большимъ трудомъ. Типографія была почти въ убытокъ, суммы, состоя въ непосредственномъ распоряженіи министра, были единственнымъ источникомъ для поощренія честныхъ тружениковъ министерства. При мнѣ за покрытіемъ всѣхъ расходовъ осталось въ 1-ый годъ 30 т. руб., во 2-ой—50 т. р. и въ 4-е года доходъ дошелъ до 100 т. рублей. Генераль-прокурорскій домъ и его содержаніе точно такъ же приведены въ порядокъ; я получилъ чинъ статскаго совѣтника.

Въ 1842-омъ году бывшій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ статскій совѣтникъ, графъ В. Н. Панинъ, назначенъ товарищемъ министра юстиціи, а въ 1843-емъ по переходѣ Дм. Н. Блудова во 2-ой собственной канцеляріи главноуправляющимъ сдѣланъ управляющимъ министерствомъ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Для меня лично эта перемѣна была весьма чувствительна по возобновившемуся вліянію В., какъ отъявленнаго взяточника по всѣмъ частямъ, и въ 1844-мъ году я былъ вынужденъ подать въ отставку.

Д. Н. Блудовъ, хорошо понимавшій мое положеніе, рекомендовалъ меня министру государственныхъ имуществъ Киселеву, и въ началѣ 45-го года я былъ причисленъ къ министерству, и получилъ командировку въ Калугу и Орелъ для производства слѣдствія по нарядамъ крестьянъ въ работы къ подрядчикамъ шоссе большими массами и значительными злоупотребленіями. Въ мартѣ и апрѣлѣ мнѣ пришлось разъѣзжать по страшнымъ дорогамъ и допросить на мѣстѣ до 1 т. человекъ. Кончивъ удачно все, что было можно сдѣлать, и проведя лѣто безъ дѣла, на свободѣ, въ ноябрѣ я былъ назначенъ инспекторомъ постройки православныхъ церквей въ казенныхъ селеніяхъ западныхъ губерній.

Было назначено: построить 100 и поправить 500-тъ церквей съ отпускомъ 700 т. рублей въ шесть лѣтъ.

Пересмотрѣвъ дѣла и доклады, я нашелъ, что при передачѣ

суммъ отъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода сдѣлана ошибка въ вычитаніи, отъ которой министерство получило 167 т. руб. менѣе. При докладѣ о томъ Киселеву, я имѣлъ случай убѣдиться, какъ этотъ выходецъ смотрѣлъ вообще на дѣла. Вотъ мой разговоръ.

Я вхожу въ кабинетъ, онъ встрѣчаетъ меня сидя:

— Ну что? принялся за дѣло? собралъ что нужно? Это дѣло большое, его надо вести осторожно. Садись.

— Прежде всего считаю нужнымъ доложить, что въ назначенныхъ суммахъ на построение церквей открывається недочетъ въ 167 т. рублей отъ ошибки въ вычитаніи.

— Ну что жъ? насъ надули; постарайся это исправить: надо и ихъ надуть.

— Слушаю и надѣюсь исполнить.

— А еще что?

— По докладу назначено построить 100, а исправить 500 церквей; если положить на первыя по 5 т., а на вторыя по 2¹/₂ т. рублей, то составитя 1.750 т. руб., а намъ отпущено на все 700 т. рублей.

— А на сколько лѣтъ?

— На шесть.

Министръ махнулъ рукой, сказавъ:

— Ну, такъ кто тамъ еще живъ будетъ.

Потомъ онъ сталъ меня спрашивать о моей службѣ во второй арміи, шутить надъ разными лицами и отпустилъ совершенно довольный собою, тогда какъ для меня этотъ докладъ остался памятнымъ.

Съ того дня прошло 8 лѣтъ. Ежегодно я дѣлалъ по 9-ти западнымъ губерніямъ отъ 3 т. до 4 т. верстъ, надзирая за церковно-строительною частью, могу сказать, мною созданною. Ни матеріаловъ, ни мастеровъ, ни мало-мальски благонадежнаго надзора на мѣстахъ не было, все надо было завести,—и Богъ удивительно помогалъ на каждомъ шагу. На данныя 700 т. рублей выстроено церквей каменныхъ 28 и деревянныхъ—52, итого 80 церквей. Исправлено всего 260 церквей. Данная сумма увеличилась пожертвованіями на 350 т. рублей; однимъ словомъ, успѣхъ былъ выше ожиданій. Но какъ деньги вышли, а число церквей, опредѣленныхъ въ первоначальномъ докладѣ, т.-е. 100 и 500, не было устроено, то представился вопросъ о новомъ отпускѣ, если церковностроительная часть при министерствѣ должна продолжаться. Съ такимъ докладомъ я былъ снова въ кабинетѣ уже графа Киселева. Онъ сидѣлъ и курилъ трубку. Сухо кивнувъ головою, онъ сказалъ:

— Садитесь; что у васъ? есть нужное?

— Въ общемъ порядкѣ, Ваше Сіятельство, подлежитъ рѣшенію вопросъ о продолженіи церковностроительной части при министерствѣ.

— Какъ? за деньгами? Вы хотите, чтобы я шелъ къ Государю просить денегъ на Вашу часть? Нѣтъ. Деньги назначены и издержаны, а дѣло не кончено. Это что такое? За такія дѣла предають суду.

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголь. Я стоялъ у стола. Вдругъ, остановясь передо мной лицомъ къ лицу, онъ сказалъ:

— Да-съ. Вы будете подъ судомъ.

Я отвѣчалъ:

— Если буду, то не одинъ, а мы оба—да-съ, мы будемъ вмѣстѣ.

Министръ побагровѣлъ, сдѣлалъ два шага въ сторону и едва выговорилъ:

— Прощайте.

Я повернулся не кланаясь и взялся за ручку двери, а онъ стоя среди комнаты, отозвался:

— Мы увидимъ, кто будетъ правъ.

Тогда я остановился и оборотясь отвѣчалъ:

— Конечно, я, какъ отдававшій ежегодно отчеты, и съ тѣмъ вышелъ.

Это было мое послѣднее свиданіе съ графомъ Киселевымъ. Я рѣшился подать въ отставку и, по дорогѣ взявъ листъ гербовой бумаги, сѣлъ писать. Въ эту минуту входитъ покойный Ал. Ал. Пейкеръ.

— Что это, Александръ Андреевичъ? на васъ лица нѣтъ, что съ вами?

Разказавъ все, что со мной было, я хочу приложить перо къ бумагѣ, но Пейкеръ спокойно встаетъ, вынимаетъ перо изъ моихъ рукъ и говоритъ:

— Что за пустяки! стоитъ ли принимать къ сердцу? Развѣ мы Киселеву служимъ? Сегодня онъ, а завтра другой и третій министръ. Пойдемте ходить, я нарочно за вами пришелъ.

И, дѣйствительно, это было въ моемъ положеніи наилучшее.

Что-же оказалось впослѣдствіи? При графѣ Киселевѣ былъ постояннымъ наперсникомъ лютый полковникъ Ружицкій, слѣдившій за моими дѣйствіями тщательно. Занимая должность вице-директора въ томъ департаментѣ, который велъ мои счеты, и слѣдивъ за дѣйствіями палатъ, онъ убѣдился, что при

всѣхъ недостаткахъ, недоверіи и кажущейся невозможности, это дѣло было застраховано на бумагѣ, а въ натурѣ не могло и не должно было двигаться.

Такъ былъ составленъ докладъ, которымъ Государь остался доволенъ, и такъ въ числѣ прочихъ могла проходить и успокаивать его и та мысль, что первая и главная мѣра обрусѣнія края приводится исподволь въ исполненіе.

Въ это время былъ генераль-губернаторомъ Дм. Гавр. Бибиковъ, зорко слѣдившій за дѣйствіями Киселева и хорошо понимавшій его полупольскій и полурусскій характеръ. Зная, что дѣлается въ министерствѣ по западнымъ губерніямъ, онъ не разъ дѣлалъ мнѣ такіе намеки, которые тогда казались невѣроятны и трудно было ихъ принимать даже близкими къ истинѣ, но впоследствии они сами собой становились очевидны. Таковы были: русскіе маіораты, для которыхъ не только имѣнія, но всѣ подробности условій по образцу прусскому въ Познани были опредѣлены и убиты графомъ Киселевымъ. Такъ аренды имѣній казенныхъ были закрѣплены въ рукахъ польской шляхты и давали большія деньги панамъ и неисчислимыя убытки казнѣ. Такъ и другіе сборы были достояніемъ истыхъ поляковъ. Такъ, наконецъ, всѣми дѣлами казны по министерству завѣдывалъ въ званіи вице-директора агентъ пановъ польскихъ, котораго однако и самъ Киселевъ не посмѣлъ сдѣлать директоромъ департамента.

Учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ безъ сомнѣнія Императоръ Николай I-й заложилъ прочный фундаментъ дѣлу освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Въ этомъ направленіи былъ первымъ дѣятелемъ Ник. Мих. Гамалѣя, избранный лично Государемъ изъ губернаторовъ сначала въ комитетъ, потомъ директоромъ 1-го департамента и вскорѣ товарищемъ министра. Оставаясь 20 лѣтъ въ послѣднемъ званіи, Н. М. былъ труженикомъ, отягченнымъ нравственно и физически выше мѣры, какъ христіанинъ-патріотъ.

Со смертію Николая I-го гр. Киселевъ утратилъ свое значеніе, невольно обнаруживъ себя въ многомъ: 1) Н. М. Гамалѣя, которому по праву принадлежало управленіе министерствомъ, обратилъ въ сенатора, назначивъ управляющимъ своего родственника, Хрущева, бывшаго при немъ чиновникомъ особыхъ порученій и готоваго слѣдовать его внушеніямъ и 2) самъ нашелъ себѣ мѣсто въ Парижѣ, сначала посломъ, а

потомъ ничѣмъ, лишь бы не въ Россіи оставаться тѣмъ же полуполякомъ, какимъ былъ со времени своей женитьбы на полькѣ.

Гамалѣя вскорѣ умеръ, а Хрущевъ сошелъ съ ума.

Министромъ былъ сдѣланъ Шереметевъ, пробылъ годъ и, принимая просителей, встрѣтилъ одного изъ окружныхъ начальниковъ, отставленнаго имъ безъ слѣдствія и суда. Отецъ 6-хъ дѣтей, безвинно лишенный хлѣба, просилъ суда, какъ милости, и когда министръ отъ него отвернулся, онъ сказалъ громко:

„Я буду жаловаться на Васъ Богу, и повѣрьте, вопль невинной семьи будетъ услышанъ“.

Шереметевъ былъ несовсѣмъ здоровъ, вернулся въ кабинетъ и получилъ ударъ.

Такъ оправдалось сказаніе Ал. Ал. Пейкера. Послѣ Шереметева вступилъ въ министры М. Н. Муравьевъ.

Было ясно, что успѣхъ церковностроительной части, въ девяти западныхъ губерніяхъ, испугалъ поляковъ и тѣмъ возстановилъ противъ себя, по внушенію Киселева, многихъ.

М. Н. Муравьевъ зналъ хорошо, въ чемъ дѣло, и, не желая прерывать нити, ограничилъ эту часть по возможности, направивъ усилія на поправку церкви болѣе, чѣмъ на постройку, отчего расходы сократились.

Впослѣдствіи, бывъ въ Вильнѣ, онъ сдѣлалъ наоборотъ, но въ то время въ министерствѣ такъ надо было.

Въ отношеніи меня лично М. Н. поступилъ такъ. Призвавъ и усадивъ меня засвой столъ противъ себя, онъ сказалъ:

— Александръ Андреевичъ, я знаю, что вы сдѣлали и что вы вынесли, мнѣ такихъ людей надо, я приготовилъ вамъ особое дѣло, сдайте свою часть и зайдите ко мнѣ, когда освободитесь.

Скоро послѣ того я былъ потребованъ къ министру и получилъ командировку въ Курляндію на слѣдствіе.

Дѣло было весьма щекотливое. Курляндскимъ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ былъ г. Офенбергъ 16 лѣтъ сряду; генераль-маіоръ съ камергерскимъ ключомъ, другъ Ал. Хр. Бенкендорфа, а потому и графа Киселева.—Одинъ изъ лѣсничихъ шт.-кап. Бретшнейдеръ нашелъ случай, являсь въ Петербургъ съ 2-мя собаками, поднести ихъ Государю и быть съ нимъ на охотѣ нѣсколько дней, при чемъ онъ вручилъ прошеніе на шести листахъ, жалуюсь на притѣсненія и злоупотребленія упр. Офенберга.

Императоръ взялъ и тутъ же передалъ этотъ доносъ генералъ-губернатору Остзейскаго края Суворову, сказавъ:

— Это твое дѣло.

Князь Суворовъ какъ принялъ, такъ и сдалъ графу Киселеву. Казалось очень просто повѣрить доносъ въ видѣ жалобы на мѣстѣ. Но министръ узналъ, что лѣсничій Бретшнейдеръ въ Курляндіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ и управитель имѣніемъ г-жи Рорбекъ, любимѣйшей камеръ-фрау Императрицы Александры Ѳедоровны, оставилъ доносъ у себя, и оставляя министерство, передалъ со своимъ замѣчаніемъ Хрущеву. Шереметевъ такъ же не посмѣлъ дать ходъ дѣлу, и послѣ 4-хъ лѣтъ оно попало въ руки М. Н. Муравьева. Онъ придумалъ составить комиссію по закону: чиновникъ отъ министерства, отъ генералъ-губернатора и жандармъ. Когда докладъ былъ утвержденъ, онъ объявилъ мнѣ, что назначаетъ предсѣдателемъ этой комиссіи, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, я относился прямо къ нему, мимо департамента, гдѣ былъ директоромъ Ганъ.

Здѣсь снова мнѣ помогъ Ал. Ал. Пейкеръ добрымъ совѣтомъ: взять членомъ полковника Гильдебрандта изъ Риги, гдѣ онъ былъ 13 лѣтъ губ-мъ штабъ-офицеромъ и оказался, дѣйствительно, хорошимъ человѣкомъ. Со стороны генералъ-губернатора былъ статскій совѣтникъ Шмитъ, извѣстный дѣлецъ того края.

Пріѣхавъ въ Митаву, я нашелъ тамъ губернаторомъ П. А. Валуева, гнетомаго баронами и поддержаннаго Суворовымъ, отъ чего ему было не легче. Какъ губернаторъ, онъ имѣлъ свою партію, но очень не большую, но бароны въ большинствѣ были противъ. Хорошо знавшій дѣло П. А. Валуевъ увѣрялъ меня, что раньше двухъ лѣтъ комиссія изъ Митавы не выѣдетъ; Гильдебрандтъ былъ того же мнѣнія.

Бароны вопіяли гласно на комиссію, первую отъ присоединенія Курляндіи, и бранили Муравьева. Съ Валуевымъ мы видѣлись ежедневно, работа кипѣла.

Офенбергъ явился въ полной формѣ, но когда представлялъ мнѣ палату, то извинялся, что почти никто изъ чиновниковъ не знаетъ по-русски, на что я отвѣчалъ:

— Согласитесь, что я не обязанъ знать по-нѣмецки.

А потому я говорилъ со всѣми по-русски, а кто не понималъ, отъ того отворачивался. Къ удивленію оказалось, что понимали всѣ и все, а говорило большинство. Стало быть въ предостереженіи управляющаго была мысль заставить меня объясняться по службѣ по-нѣмецки,—что однако не удалось.

Лѣсничій Бретшнейдеръ былъ выписанъ въ комиссію по эстафетѣ, и несмотря на свой извѣстно дерзкій и буйный характеръ, до того присмирѣлъ и такъ дѣльно отвѣчалъ на вопросные пункты, что возбудилъ мое участіе въ своемъ зависимомъ и угнетенномъ положеніи.

Комиссія работала съ утра до вечера въ моей квартирѣ; я вставалъ рано и представлялъ на каждый день программу занятій, исполнявшуюся неукоснительно. Шмитъ былъ переводчикомъ и нѣмецкимъ писцомъ. Гильдебрандтъ, знавшій оба языка отлично, помогалъ мнѣ крайне усердно, и въ общемъ присутствіи у насъ образовалась такая гармонія, которой Валуевъ по всей справедливости удивлялся. Онъ обѣдалъ у меня ежедневно, послѣ чего проводили у него вечеръ съ Гильдебрандтомъ, когда было свободно.

Такъ изо дня въ день прошло два мѣсяца, въ теченіе которыхъ встрѣтился Ивановъ день съ ярмаркою, празднуемый всѣми жителями Митавы. Управляющій Офенбергъ пригласилъ меня къ себѣ на обѣдъ, я согласился съ тѣмъ, чтобы не было никакого оффиціального угощенія, тостовъ и проч. Онъ обѣщалъ, что никого не будетъ. Валуевъ, узнавъ о томъ, спросилъ:

— Неужели вы приняли приглашеніе Офенберга?

— Да.

— По-моему это крайне смѣло, онъ васъ отравить; вы не можете представить, какъ зло смотрятъ на вашу комиссію.

— Что бы ни случилось, Петръ Александровичъ, унижать званіе управляющаго отказомъ я не могу, завтра это будетъ знать весь городъ. Отравы я не боюсь при нѣкоторой осторожности: ничего не ѣсть прежде хозяина, а вина и кофе вовсе не пить.

Однако, губернаторъ остался при своемъ мнѣніи и просилъ къ себѣ тотчасъ послѣ обѣда, что я исполнилъ. Встрѣтивъ меня радостно, онъ и Гильдебрандтъ разспрашивали меня обо всемъ до мелочей, какъ будто этотъ фактъ выходилъ изъ границъ ихъ свѣдѣній и наблюденій,—что меня удивляло.

Легко быть можетъ, что они, какъ знатоки нѣмцевъ, поступили бы иначе, но „Русскій Богъ великъ!“ говоритъ нашъ народъ не даромъ.

Въ два мѣсяца огромный трудъ былъ готовъ, и я призналъ необходимымъ объѣхать Курляндію въ разныхъ направленіяхъ, съ тѣмъ, чтобы быть на мѣстахъ и удостовѣриться въ показаніяхъ разныхъ лицъ по разнымъ частямъ управленія.

Выѣхавъ изъ Митавы съ губернскимъ лѣсничимъ фонъ-Клей-

стомъ, я сдѣлалъ въ 4 сутокъ 600 верстъ, обѣдалъ у Офенберга и у Бретшнейдера, узналъ и увидѣлъ многое, что было нужно, и черезъ недѣлю явился въ Петербургъ съ докладомъ къ министру.

Представивъ дѣло въ 4-хъ томахъ, я началъ докладъ.

— Прежде всего считаю долгомъ доложить Вашему Высокопревосходительству, что Ваше порученіе дало мнѣ случай видѣть администраціонный казусъ: на 42-хъ верстахъ шоссе съ одною станціею мы имѣемъ 2 палаты, стоящія каждая по 180 тыс. руб. въ годъ.

Муравьевъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Да, это ошибка, которую пора исправить; надѣюсь, что вы мнѣ въ этомъ поможете. Я убѣжденъ, что это можно сдѣлать скоро и просто подъ вашимъ руководствомъ. Надо составить комиссію подъ вашимъ предсѣдательствомъ, подумайте о членахъ и заготовьте записку.

Докладъ продолжался болѣе часа. Мих. Ник. былъ такъ точенъ въ своихъ вопросахъ, такъ заинтересованъ подробностями, что поблагодарилъ, поручивъ передать все дѣло въ его особую канцелярію.

На другой день, представляя записку о составѣ комиссіи, я упомянулъ, что предсѣдателемъ слѣдовало бы сдѣлать курляндскаго губернатора Валуева. Онъ поморщился, назвалъ его интриганомъ, присылающимъ свои статьи къ Константину Николаевичу, и, подумавъ, сказалъ:

— Нѣтъ, намъ такого не надо.

Прошла недѣля. Муравьевъ пригласилъ меня къ себѣ. При моемъ входѣ въ кабинетъ, онъ сказалъ:

— Здравствуйте, я читалъ вашу записку о составѣ комиссіи, кажется, велика, много членовъ-нѣмцевъ.

— Безъ нихъ нельзя, можно уменьшить, все будетъ зависѣть отъ предсѣдателя.

— Да, вѣдь, я сказалъ, что вы—предсѣдатель.

— А я снова прошу, Ваше Высокопревосходительство, поручить это дѣло Валуеву.

Михаилъ Николаевичъ опять поморщился, подумалъ и отвѣчалъ:

— Да онъ—не нашъ, какъ же ему поручить, — а съ Ланскимъ (бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ) я не хочу переписываться.

— Такъ позвольте мнѣ лично переговорить?

— А вы его знаете?

— Довольно хорошо и думаю, что мнѣ онъ не откажетъ.

— Ну что жъ? спросите, если хотите, только меня не мѣшайте.

— Слушаю.

Отъ одного поѣхалъ я прямо къ другому министру и былъ принятъ немедленно.

— А здравствуйте, Александръ Андреевичъ,—подавая руку, сказалъ С. Ст. Ланской,—что? съ дѣломъ?

— Да, съ большою просьбою къ вамъ.

— Радъ стараться, чѣмъ могу служить?

— Одолжите намъ курляндскаго губернатора Валуева.

— Какъ? къ Муравьеву? ха-ха-ха! возьмите. Да куда вы его прочите?

— Въ предсѣдатели особой комиссіи по устройству дѣлъ въ Остзейскихъ губерніяхъ.

— Возьмите, возьмите, съ моей стороны не будетъ затрудненій, такъ и скажите Муравьеву.

На другой же день вопросъ и отвѣтъ обмѣнены и къ Валуеву написано. Со своей стороны я написалъ ему въ тотъ же день. Не прошло недѣли, какъ получаю отъ него искреннее благодареніе и вмѣстѣ убѣдительную просьбу о деньгахъ. Ему не съ чѣмъ было выѣхать изъ Митавы.

Иду къ Муравьеву. Онъ снова улыбнулся и приказалъ выдать изъ палаты 1.000 рублей.

Вотъ какъ былъ введенъ въ кругъ министерскихъ дѣйствій П. А. Валуевъ.

Какъ онъ оплатилъ Муравьеву въ 63 году, бывъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и защищая поляковъ на каждомъ шагу—это принадлежитъ исторіи возстанія и мятежа въ Царствѣ Польскомъ и западныхъ губерніяхъ. Я узналъ часть его противодѣйствій, бывъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи въ Горкахъ.

Въ 1-мъ засѣданіи Остзейской комиссіи П. А. Валуевъ сказалъ превосходную рѣчь, въ особенности поразившую директора второго департамента Рашевскаго, на мѣсто котораго и поступилъ П. А. не безъ затрудненій.

Товарищъ министра, А. А. Зеленый, поручилъ мнѣ вести переговоры о переходѣ въ министерство П. А. Валуева. Наконецъ, онъ рѣшился перейти съ условіемъ: никакихъ наградъ кромѣ денегъ. Вслѣдствіе того ему даны два департамента, второй и земледѣльческій съ содержаніемъ въ 10 тыс. руб. Это былъ окладъ неслыханный, на который только Муравьевъ могъ рѣшиться.

Съ перваго шага своей дѣятельности въ Петербургѣ, Петръ Александровичъ сблизился съ Василиемъ Андреевичемъ Долгоруковымъ (шефомъ жандармовъ), сильнымъ содѣйствіемъ его вскорѣ поступилъ управляющимъ дѣлами Комитета Министровъ, а потомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ и оставался 7 лѣтъ.

При М. Н. Муравьевѣ я былъ сдѣланъ членомъ Совѣта Министра.

Въ этомъ званіи я имѣлъ 4 комиссіи, одна другой сложнѣе и серьезнѣе:

1. Встрѣча Государя Императора во время его путешествія на сѣверъ, въ г. Архангельскъ.

2. Ревизія палаты и управленія государственныхъ имуществъ въ Казанской губерніи.

3. То же самое и въ Пермской губерніи, и

4. Предсѣдательство въ слѣдственной комиссіи въ Горкахъ для рѣшенія вопроса, кто виновенъ въ томъ, что шайка бунтовщиковъ тамъ была: губернаторъ Беклемишевъ или директоръ.

Сооб. А. Половцова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

